

поступить учиться в вуз и не пойти в армию. Раушан даже обиделся: «Ты за кого меня принимаешь?». Мать поняла свою ошибку и больше речи об этом не заводила. Уже после его гибели случайно нашла в его спортивном костюме фантики от конфет и заплакала.

«Я НЕ МОГУ БРОСИТЬ ТОВАРИЩЕЙ»

Все мечты Раушана сбылись. Он попал служить в армейский спецназ. Коренной сибиряк, он будет потрясен благодатным, теплым климатом Краснодарского края. Деревенский паренек, он увидел во время службы большие города юга России, открыл для себя целый мир человеческих отношений. Его письма домой были наполнены оптимизмом и гордостью за принадлежность к спецназу. Майор Виссарион Иванов, бывший в ту пору заместителем командира отряда по воспитательной работе, вспоминает: «Раушан был на редкость спокойным, общительным, неконфликтным человеком, хорошо выдерживал физические нагрузки, на занятиях по боевой и специальной подготовке стремился взять максимум для себя, отлично разбирался в технике. О таком солдате мечтает любой командир. И далеко не с каждым в спецназе заключают контракт о прохождении военной службы».

Вот о контракте Гульфруз ничего не знала. Раушан заключил его через полгода после службы по призыву. Не открылся он родителям и во время двухмесячного зимнего отпуска. Правда, перед отъездом в часть о чем-то долго говорил на вокзале с братом Давлетом. Наверное, не хотел волновать маму, поскольку спецназ на Северном Кавказе выполнял боевые задачи, несмотря на завершение активной фазы контртеррористической операции.

А может, сын уже знал о предстоящей командировке в Южную Осетию, где не было ни войны, ни мира.

О том, что Раушан стал контрактником, Гульфруз узнала от Давлета, проговорившегося во время работы на огороде. Она бросилась к телефону: «Как же так, сынок?». А он сказал: «Ты меня поймешь. Я не могу бросить своих товарищей, с кем служил с первого дня. Все они заключили контракты». И что оставалось матери? Ждать и надеяться. Гульфруз ждала и верила в счастливую звезду сына.

В конце апреля 2008 года Раушан позвонил по мобильному телефону: «Мама, мы прибыли в город Цхинвал. Это на границе Южной Осетии и Грузии. Не переживай, здесь все нормально».

Потом в семье случилась беда: ушел из жизни сын Давлет, наложивший на себя руки. Разве могла тогда подумать Гульфруз, что через несколько месяцев еще одно горе обрушится на ее семью.

ПОСЛЕДНИЙ РАЗГОВОР С СЫНОМ

Каждую ночь Гульфруз вспоминает последние телефонные разговоры с сыном. Тогда он позвонил в начале августа: «Мама, я стою на посту и вижу, как грузины ходят по осетинским домам, слышу выстрелы, плач, крики о помощи». В последний раз голос сына Гульфруз услышала 6 августа. Он кричал сквозь грохот техники: «Мам, мам, перезвони!». Она вдруг сердцем почувствовала приближение беды и закричала: «Раушан, ты же на войну едешь!». Но этих слов он уже не услышал: телефон был отключен.

7 августа, в день начала агрессии Грузии против Южной Осетии, Гульфруз услышала голос сына: «Мама!». Она испугалась